

И. Г. Добродомов
Московский пединститут им. В. И. Ленина

Этимологические маргиналии турколога
по русской лексикографии

Одной из существенных сторон этимологического исследования является тщательный учет семантики рассматриваемого слова (наряду с учетом его фонетической и формальной сторон). Гораздо менее популярны случаи, когда с помощью этимологических соображений выясняется точная семантика слова, которое зафиксировано с недостаточно определенным значением, требующим уточнения. В настоящих заметках основной упор сделан на тех случаях, когда убедительно установленная этимология слова позволяет уточнить его недостаточно четко определенную источником семантику или другие качества. При этом все рассматриваемые слова относятся к числу турецких элементов которые на разных этапах развития русского языка входили в его состав, не становясь, однако, словами общеизвестными и оставаясь принадлежностью каких-нибудь социальных или территориальных диалектов, да и то на сравнительно хронологически ограниченный срок.

а ш м а л а ш, о ш м а л а ш

В статье-словарике Н. А. Смирнова¹ составитель "Этимологического словаря русского языка" М. Фасмер обратил внимание на две словарные статьи:

1) А ш м а л а ш - ошупка. - "А ш м а л а ш ему, а ш м а л а ш! Обшупать его, коли он мааурик!" (с. 1066).

2) О ш м а л а ш - ошупка. - Обыкновенно перед тем, чтобы украсть (например, часы, бумажник), при застегнутой одежде, мошенник предварительно делает наружную рекогносцировку, слегка и очень осторожно, ошупывает место и соображает поло-

1 Смирнов Н. А. Слова и выражения воровского языка, выбранные из романа Вс. Крестовского "Петербургские трущобы". - Изв. ОЯС. СПб., 1899, т. 4, кн. 3, с. 1065-1087.

хенке, в каком вещь лежит в кармане. Маневр этот производится с самым невинным видом, как бы нечаянным, машинальным прикосновением руки. Сообразительность в подобных случаях у опытных мошенников развита необыкновенно тонко: достаточно одного только легкого прикосновения, чтобы сообразить, в каком положении находится вещь и как будет лучше, как удобнее можно ее украсть. Это-то и называется ошмалаш (с.1077-1078).

В немецком издании словаря М.Фасмера² это картинное толкование слова приобрело несколько неопределенный лаконичный вид: *Abtasten bei einer Leibesvisitation*, будучи точно переведено в русском издании как "ощупывание при обыске" (Фасмер III, 180). Этимологизация же здесь свелась лишь к предположению иноязычного характера этого слова.

Следует отметить, что Фасмер почему-то опустил две другие словарные статьи, которые (особенно первая) представляют несомненный интерес для этимологизации:

1) Ошмалать = окупать.

2) Ошмалашить крепость = определить прочность. - "Если идет приезжий музичонко, купивший для себя на Толкучем порти, маклак непременно предложит ему сменитьсь. Музичонко часто не прочь от такого рода операций. Маклак берет его порти, разглядывает их на свет и так, и эдак, выворачивает наизнанку, растягивает материк, трет ее и купает между пальцами. Это называется "кредость ошмалашить" (с.1077).

Любопытно, что все четыре приведенных у Н.А.Смирнова слова толкуются с помощью слов с приставкой о-, как бы подчеркивается выделение этой значимой морфологической единицы и в рассматриваемых здесь словах. Этим и объясняется своеобразие орфографии на о-. К тому же написание всех этих слов с начальным о- должно рассматриваться и как гиперкоррективное, основанное на попытке избежать на письме отражения акашского произношения. На это мне указала польский востоковед из Кракова Зигмунд Абрагамович, обративший также мое внимание на возможность возведения жаргонного русского слова ашма-

2 Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1955, Bd 2, S.297.

а ш (о ш м а л а ш) к персидскому существительному *اشنا* а ш (е) н а "приятель, знакомый", которое употребительно и в ряде тюркских языков, где оно и обросло дополнительными аффиксами. От персидского *اشنا* а ш (е) н а, которое на тюркской почве стало звучать а ш н а (тур. *арна*), а ш н а́ (тат., башк. *эш нэ*), о ш н а (узб.) и т.п. был образован глагол типа а ш н а - л а "знакомиться"³. Этот глагол о ш н а л а - и лег непосредственно в основу арготического глагола о ш м а л а т ь "ошупать", отмеченного Н.А.Смирновым, но не учтенного М.Фасмером.

Существительное а ш м а л а ш (о ш м а л а ш) было образовано на тюркской же почве от глагола а ш н а л а - с помощью продуктивного суффикса -ш, хотя существительное а ш н а л а ш "знакомство" в тюркских словарях обычно не фиксируется, но в этом и нет необходимости в силу продуктивности модели: основа глагола + (н, и)ш⁴.

М.Фасмер не учел арготического характера слова а ш м а л а ш в русском языке, поэтому ему осталась неизвестной этимология данной лексики, встречающейся в жаргонах офеней, маклаков и воров и протимологизированной Н.К.Дмитриевым в статье "Турецкие элементы в русских арга": а ш м а л а ш "ошупка" (воровск., макл., офенск.), "обиск" (воровск.) < пов-тат., башк. (из перс.) *ашпалай* "ознакомление"⁵.

Глагол о ш м а л а ш и т ь (у Н.А.Смирнова - Вс.Крестовского) явно отиженный, образованный на русской почве.

Замена согласного н губным м - диссимилятивной при-

3 См.: Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869, т.1, с.52.

4 После глагольных основ на согласный суффикс представлен в форме -н ш (-и ш), которая была обобщена и дала вторичную форму -й н ш (-й и ш), получившую впоследствии в некоторых тюркских языках распространение вместо -ш после основ на гласные. - См.: Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, с.140-152, где последовательность развития разных форм аффикса не прослежена.

5 Цит. по: Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М., 1962, с.492.

роды; в особых комментариях она, как представляется, не нуждается⁶.

к у л

В сводном "Словаре русских народных говоров" (СРНГ XV 1, 50) встречается любопытное слово к у л со значением "аршин" и глухим указанием на запись этого слова в Нерехтском уезде Костромской губернии в 1830-1846 гг., что не обеспечивает возможности проверки достоверности записи, которая кажется подозрительной.

Дело в том, что слово к у л "аршин" отмечается Н.А. Смирновым в его словаре⁷. Н.К. Дмитриев, обнаруживший этот же термин в офенских материалах В.И. Чернышева, даже установил для него хорошо обоснованную этимологию: "к у л "аршин" < пов.-тат., башк. қыҫ "рука"; к у л "пуд" (sic!)"⁸.

Следовательно, костромское слово к у л "аршин", скорее всего, является одним из арготизмов, который попал в записи диалектных слов. Такого рода ошибки были весьма многочисленны, особенно в XIX в., когда традиции условных языков были еще сильны и слова этих языков были известны более широко носителям местных говоров. Проникновение туркизмов в условный язык, носители которого отличались большой подвижностью, более вероятно, чем в удаленный от носителей турецких языков костромской говор.

к у т л о в а т ь

Недавно вышедший восьмой выпуск "Словаря русского языка XI-XII вв." (М., 1981, с. 148) содержит оставшийся без какого бы то ни было объяснения (при слове стоит многозначительный знак вопроса) глагол к у т л о в а т и с одной иллю-

6 Еще одно отражение на русской почве персидского а ш (е)-н а см. в статье: Куравлев А.Ф. Этимология рус. диал. ш в я.- В кн.: Этимология. 1979. М., 1981, с. 98-99.

7 Смирнов Н.А. Слова и выражения воровского языка..., с. 1065-1087.

8 Дмитриев Н.К. Строй турецких языков, с. 497.

стративной цитатой от 1518 г. из второго тома так называемых "Крымских дел", изданных Русским историческим обществом под названием "Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией" (т. 2, 1508-1521 гг.): "А мнѣ брата своего Абды-Летиѣ царя послать, толке будетъ из Ковани кутловать Барына или Кибчаку"⁹.

Выяснение значения этого не отмеченного русскими словами редкого глагола упирается в отсутствие каких бы то ни было словарей для крымскотатарского языка, с помощью которого только и можно найти ключ к пониманию этого слова. Насколько помогает делу недавно вышедший "Караимско-русско-польский словарь" (М., 1974), отражающий лексику тесно связанного с Крымом караимского языка. Действительно, в караимском языке отмечен глагол к ъ у т л а - "1) праадрновать; 2) поадравлять" (также в форме к у т л а - "1) посвящать; 2) освящать; приветствовать"). Также исторически связанный с Крымом ногайский язык, по данным "Ногайско-русского словаря" (М., 1963), имеет глагол к у т л а - "поадравлять, приветствовать". Можно также привлечь материалы татарского (к о т л а - "поадравлять, приветствовать, желать счастья") и башкирского (х о т л а - "приветствовать, поадравлять") языков, которые также помогают вскрыть семантику глагола к у т л о в а т ь из Крымских дел (в "Словаре русского языка XI-XII вв." исходная форма к у т л о в а т и представляет собой результат намеренной архаизации). Следовательно, этимологический подход к глаголу к у т л о в а т ь с опорой на турецкий глагол к у т - л а - (от общетурецкого существительного к у т "счастье") дает возможность загадочному слову к у т л о в а т ь из "Крымских дел" приписать значение "поадравлять".

к у ш т и л ь

В "Этимологическом словаре русского языка" М. Фасмера (Фасмер П., 439) приводится казанское слово к у ш т и л ь

9 Сб. имп. Русского исторического общества. СПб., 1895, т. 95, с. 500.

"изделие из теста" (в немецком оригинале "Art Gebäck")¹⁰ с глужой ссылкой на П.И.Мельникова (Андрея Печерского) и неутешительной этимологической справкой: "Бероятно, иноязычное = Wohl fremd".

Обращение к янчкам Среднего Поволжья сразу же позволяет решить вопрос о происхождении этого названия изделия из теста "Татарско-русский словарь" под словом к о ш "птица" среди фразеологизмов приводит определительное сочетание к о ш т е л е в качестве кулинарного термина "особый вид хвороста" (букв. птичий янчк)¹¹. Обращение к "Толковому словарю татарского языка" позволяет уточнить это определение, поскольку выражение к о ш т е л е (со странной пометой о принадлежности к специальной лексике и фразеологии) здесь поясняется как "кушанье в виде нарезанных в форме янчка (треугольниками или ромбами) кусочков тонко раскатанного теста из белой муки, замешенного на яйцах, приготовленное на масле и подаваемое к чаю" (Йомыркага баскан ах он камырн хеймәсен тел формасындарак (ечпочмак яки ромбыга охшаш) кискәләп, майда пешерелгән, чай янына куела торган ашамлык)¹².

В этой семантической справке нуждались и составители сводного "Словаря русских народных говоров", где читаем: "К у ш т и л ь, м. Изделие из теста (какое). Казан., Фасмер" (СРНГ XV1, 198). Этимологическая справка помогает точнее определить семантику слова.

я н ч к и

Этимологические соображения оказываются полезными и при составлении прикидных словариков типа глоссариев, где толкуются не очень ясные слова из текстов.

Если трудности при определении точного значения слова янчководы и историки встречают даже тогда, когда слова созданы по словообразовательным моделям языка и значение эти

10 См.: Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1953, Bd I, S.710.

11 Татарско-русский словарь. М., 1966, с.288.

12 Татар теленәң аңлатмалы сүзлегә. Казан, 1979, т.2, с.173.

слов сравнительно легко выводится из составляющих частей, то гораздо больше трудностей исследователь встречает при работе со словами иноязычного происхождения, особенно если заимствованное слово чем-то напоминает исконные слова и на этих иллюзорных правах исконного слова напрашивается в словарный состав языка, получая здесь случайное сближение с исконной лексикой и сбивчивую неясную семантику.

"Расспросные речи" возвратившихся летом 1647 г. в Астрахань русских торговых людей, ограбленных ханом Абул-Газием, изданные в 1932 г. под редакцией академика А. Н. Самойловича, как один из многих документов, составивших 3-й выпуск "Материалов по истории народов СССР", содержат неизвестное по другим источникам слово **я з н ч е й**: "И приехали де с товары своими в город Хиву августа в 12 день 154-го (т.е. 1646) году, а товаров де их осматривать и переписывать прислал Абыл-Гаан царь язичей своего Шаум-Абныа не допустя до города Хивы версты за две. А которого де дни они с товары своими в город Хиву приехали и на подворье стали, и того же дни Абыл-Гаан царь прислал к ним того же своего язичей, и велел с них тот язичей с товаров их на царя пошлину по цареву приказу"¹³. Судя по контексту, этот **я з н ч е й** выполнял таможенные обязанности. Но в приложенном к изданию "Словаре малопонятных слов", составленном А. С. Булгаковым, слово **я з н ч е й** отождествляется со словом **я з н к** ("Я з н ч е й - то же, что язык"), а последнее получает явно не подходящее к данному контексту толкование: "Язык - пленник, от которого расспросами выведывают сведения о неприятеле; обвинитель, обличитель перед судом" (с. 461).

С точки зрения словообразовательной такое толкование оказывается несостоятельным, ибо очень редкий в русском языке словообразовательный суффикс **-е й** со значением лица обя-

13 Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР (Ч. 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI-XVII вв.). Тр. Историко-археологического института и Института востоковедения АН СССР. М., 1932, т. 6, вып. 3, с. 328, 461.

зательно привносит в слово новое значение лица (ср. с о б а - к а - с о б а ч е й, г р а м о т а - г р а м о т е й, б о - г а т н ы й - б о г а т е й), образуя новые слова от существительных или прилагательных¹⁴. Но при отождествлении слов я з ы ч е й и я з ы к "пленный" суффикс -е й оказывается совершенно бессмысленным и излишним наращением типа пресловутых интерфиксов.

Не мог пленный выполнять ответственные поручения хана: ведь в документе особо подчеркивается, что этот чиновник для хана - с в о й я з ы ч е й.

Гораздо логичнее видеть в слове я з ы ч е й наименование какого-то местного должностного лица, которое связано своим происхождением с языками Средней Азии.

Слово я з ы ч е й из расспросных речей русских купцов 1647 г. имеет хорошие соответствия на тюркской почве: туркм. я з ы ч ы "писатель", гагауз. й а з ы ч ы "писец, писарь; писатель", азерб. я з ы ч ы (j а з ы ч ы) "писатель", тур. yazıcı "писец, писарь", караим. й а з ы ц ы "писец, писарь", й а з ы д ы н, й а з ы в ц у, й а з ы в ч ы, й а з ы в ч у "писатель, автор; писарь, писец"; кумык. я з ы в ч у "писатель", устар. "писарь, писец", к-бал. д ж а з ы н у ч у "писатель"; тат. я з ы ч ы "писатель", баш. я з ы н у с ы "писатель", ног. я з ы в ы н "пишущий; писатель", к-калп. х а - в ы н "пишущий; писатель"; казах. х а з ы ш ы "пишущий; писатель"; узб. ё з ы в ч ы "пишущий; писатель"; новосуйг. يازغچى й а з ы г у ч ы "писатель; писарь, писец";

14 В экспериментальной "Грамматике современного русского литературного языка" (М., 1970, с.90) приводился также диалектам г о р д е й (от г о р д ы й), но в расширенном переиздании этой же книги этот пример почему-то опущен (см.: Русская грамматика. М., 1980, т.1, с.177) вместе с устранением ограничения материала исключительно литературным языком, как явствовало из названия первого издания книги. Следует также отметить неверное выделение в слове с о б а ч е й суффикса -ч е й, постулируемое в ошибочной статье Ф.Г.Гусейнова "О тюркоязычной основе суффикса -а ч в русс ом языке" (Сов.тюркология, 1980, № 6, с.54).

кирг. х а э у ч у "пишущий; писатель"; чув. с н р у с (а)
"знаток письма, писарь, делопроизводитель, секретарь"¹⁵.

Все тюркские формы хорошо соотносятся с древнетюркской формой этого слова jazıyıcı "писарь; (у огузов) письмоноша, священной между сватами"¹⁶. Более поздние памятники письменности отмечают формы, которые гораздо ближе к современным: й а э у ч н "пишущий"¹⁷, армяно-кыпчак. (половецкий позднего периода) jazıcı "писарь, кто пишет"¹⁸.

Тюркское слово й а э н ч н (в турецкой форме yazıcı) попало в целый ряд языков со значением "писец; секретарь": перс. یازچی й ā э й д х й, курд. jazidî, араб. يازجى й ā э й д х й, с-хорв. јазиџија (jazidžija), болг. я з а д х и я, рум. Țazăciu¹⁹.

-
- 15 Амшарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1937, вып.12, с.113-114.
- 16 См.: Древнетюркский словарь. Л., 1969, с.251, 646 (разные значения здесь почему-то поданы отдельно).
- 17 Иранский дар тюркскому языку: Грамматический трактат XV в. на арабском языке. Ташкент, 1978, с.303.
- 18 Tryjarski E. Dictionnaire armeno-kiptchak. Warszawa, 1968, t.1, fasc.2, s.333-334.
- 19 Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1975, Bd 4, S.67-68, со ссылками: Miklosich Fr. Die türkische Elemente in der südost-und osteuropäischen Sprachen. - Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften Wien, philosophisch-historische Classe, 1884, N 34, S.317; Dozy R. Supplement aux dictionnaire arabes. Leide et Paris, 1927, p.847; Knežević A. Die Turcismen in der Sprache der Kroaten und Serben. Meisenheim am Glan, 1972, S.166; Tiktin H. Rumänisch-deutsches Wörterbuch. Bukarest, 1903-1925, S.750. Ср. также: Škaljić A. Turcizmi u srpskohrvatskom - hrvatskosrpskom jeziku. Izd.3. Sarajevo, 1973, s.365; Речник на редки, остарели и диалектни думи в литература ни от XIX и XX век. София, 1974, с.587.

В основу русской формы *я з н ч е й* легла тюркская форма, сочетающая в себе огласовку турецкой формы *يازичи* *й а в н д х н*, а состав согласных имевшая подобный татарской форме *يازучи* *й а в у ч н* "писец"²⁰. В звуковом отношении к ней ближе всего азербайджанская форма *й а з н ч н*, но подобная форма, очевидно, была известна и в Средней Азии, откуда она и попала в русские документы ХУП в.

Слово *я з н ч е й* в письменных памятниках у нас особого распространения не получило, как и его синоним *б а к ш е й*, которым в старой русской письменности именовался писец у крымских татар.

Вместе с тем следует отметить, что постулируемое М.А. Усмановым, употребление в качестве названия писца арабского слова *خافض* *х а ф и а* с общим первоначальным значением "знающий наизусть (Коран)" не доказуется использованным у него материалом и данными за пределами тюркского актового материала²¹, как, например, в русской письменности ХУ-ХУП вв. и даже позже, когда это слово употреблялось в формах *а б н а з*, *о б н а з*, *а ф н а з* и даже *а ф а в з* в значении "мусульманский слуга культа", грамотность для которого была обязательна и он мог привлекаться для составления бумаг, но это последнее не было главным в его деятельности. Здесь важно отметить, что в русском языке этот термин употреблялся в сильно тюркизированной форме, причем форма *а ф а в з* (реально представленная в текстах формами множественного числа *а ф а в н* (СРЯ XI-XV вв. 1, 58) отражает одну из арабских форм так называемого ломаного множественного типа *خافضه* *х а ф а в а*. В тюркских языках мусульман часто арабские формы множественного и единственного числа, различаясь сильно огласовками, употребляются в одном и том же значении.

Слова со значением "писец" весьма часто заимствуются, но в языке закрепляются редко. Стоит привести заимствования

20 Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1871, т.2, с.228.

21 Усманов М.А. Калованные акты Джучиева улуса XIУ-ХУI вв. Казань, 1979, с.128.

Петровской эпохи канцелярист и шрейбер, зафиксированные в "Словаре иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого" Н.А.Смирнова²².

22 Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910, с.131, 334. Ср.: Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Л., 1972, с.137, где неточно указывается на отсутствие слова шрейбер в словарях. Ср. также: Добродомов И.Г. Слово подпих и к у В.Т.Нарекного. - Рус.речь, 1981, № 4, с.123-126.

Д.С.Кулмаматов
Московский пединститут им.В.И.Ленина

Еще раз о слове я з ы ч е й

Семантика и происхождение слова я з ы ч е й из русского памятника ХУП в. достаточно достоверно установлены при помощи этимологических соображений на базе тюркских соответствий (в частности, тур. *ياز.جی* и *а̇ а̇ д х и̇*, тат. *ياز.چي* и *а̇ а̇ ч и̇* "писец") И.Г.Добродомовым в его статье "Этимологические маргиналии тюрколога по русской лексикографии"¹, причем это слово им было отмечено лишь в единственном контексте. Но я з ы ч е й не такое уж редкое слово в деловой письменности ХУП в. Оно встречается в старинных русских переводах восточных актов, отписках воевод, отчетах послов, расспросных речах торговых людей и т.д., например, в Царевой росписи Крымского царя Дханбека Гирея от 17 декабря 1633 г.: "Кааенному язичею Мустафе Чилибею: шуба кунья, шуба хрептовая, шуба черевья, цки хрептовне, цки черевьи, пара соболей, шапка лисья"².

Почти всегда этимологическая версия носит до известной степени гипотетический характер. Однако нередко она может

1 См. в данном сборнике.

2 Лашков Ф.Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в ХУ1 и ХУП вв. Симферополь, 1891, с.63; см. также с.69, 70.